

УДК 811.181.1'36-112

Ильченко О. С.

Санкт-Петербургский государственный университет

**«ФОРМУЛА ОДУШЕВЛЕННОСТИ / НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ»
В ОБОЗНАЧЕНИЯХ МНОЖЕСТВА ЛИЦ В ЯЗЫКЕ
МОСКОВСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА КОНЦА XV ВЕКА**

O. Ilchenko

Saint-Petersburg State University

**THE FORMULA FOR ANIMACY / INANIMACY IN THE NAMES
OF PERSONS IN PLURAL IN THE LANGUAGE OF THE MOSCOW
CHRONICLE (THE END OF 15TH CENTURY)**

Аннотация. Статья посвящена дискуссионной проблеме развития личной одушевленности во множественном числе (мн. ч.). На основе статистического и содержательного анализа контекстов Московского летописного свода конца XV века выявлены закономерности варьирования форм винительного (В. п.) и так называемого родительного-винительного (Р=В) падежей в обозначениях множества лиц, обусловленные активностью / пассивностью референтов и конкретностью / абстрактностью содержания высказывания, коррелирующей с пространственно-временной локализованностью ситуации.

Ключевые слова: категория одушевленности в русском языке, вариативность падежей, пространственно-временная локализация, конкретное / абстрактное содержание высказывания, активность / пассивность объектов, расчлененное / собирательное множество.

Abstract. The article is dedicated to the development of personal animacy in plural. The statistical and content analysis of Moscow Chronicle contexts (the end of the 15th century) allowed to show consistency with variation of the accusative and the genitive-accusative cases in the names of persons in plural. The choice of case depends on activity / passivity of referents and concrete / abstract content of the utterance correlated with spatiotemporal location of situation.

Keywords: animacy in Russian, variation of the cases, spatiotemporal location, concrete and abstract content of the utterance, objects' activity / passivity, collective and partitioned plurality.

Грамматикализация (морфологизация) Р=В, ставшая показателем категории одушевленности в русском языке, вот уже более двухсот лет вызывает неослабевающий интерес как отечественных, так и зарубежных историков русского языка, порождая непримиримые споры. На сегодняшний день исследовано значительное количество памятников письменности донационального периода, однако *механизм* распределения вариативных падежных форм в позиции прямого (и – по аналогии – косвенного) дополнения до сих пор остается в тени. Сам по себе новый фактический материал не способен сыграть важную роль в решении проблемы вариативности: необходимо в корне изменить *подход* к интерпретации языковых фактов, опираясь на современные *когнитивные теории*. «Сплошные» подсчёты форм без углублённого семасиологического, контекстуально-ситуативного, структурно-синтаксического, жанрово-стилистического и лингвокультурологического анализа не могут внести ясность в существо вопроса.

© Ильченко О.С., 2011.

Хотя язык *Моск. лет.*, как, впрочем, и других летописей, являлся предметом не одного грамматического описания [2; 4; 12], тем не менее высокая информативность плюральных форм Р=В осталась не замеченной исследователями. В диссертационных работах, посвященных категории одушевленности [3; 6; 7; 8; 10; 14], опора на языковой материал *Моск. лет.* отсутствует. Однако важно посмотреть на развитие категории одушевлен-

ности в период, предшествующий становлению общерусских литературных норм.

Результаты исследования падежной вариативности представлены для наглядности в виде таблиц (см. табл. 1–4).

Наше внимание привлекла неединичность весьма ранних форм Р=В мн. ч., появляющихся в погодных записях *Моск. лет.* уже с XII в., поэтому мы выписали объектные синтагмы полностью (см. табл. 1).

Таблица 1

Вариативность форм Р=В и В. п. в обозначениях множества лиц в языке Московского летописного свода конца XV в.

	Погодные записи:	XI в.	XII в.	XIII в.		
Без предлога (62)	Обычные синтагмы (59)	приведоша Половецъ (1)	христъян лишити (1); посадниковъ Половецкихъ князен многыхъ избиша (2); изгони Түргѣевъ (1); избивахутъ Бүздалцевъ (1); мужей же исъѣкоша (1); изгониша сторожевъ ихъ (1); отпусти Новгородцевъ (1); отпустиста Новгородцевъ (1); христъян отполонивше (1); Ростовскихъ боярь всѣхъ повязаша (1); опроста всѣхъ Кыянъ (1); иже бяху Ошлиевъ взяли (1); поганыхъ повѣдивши (1); повелѣ поимати Новгородцевъ (1); поставя мужей своихъ и Черниговскихъ князен (1); Олгавыхъ внүчатъ, с нимъ же отпусти (1); злыхъ человекъ на то пущаютъ (1); созва Русскихъ епископовъ (1); призваша Псковичъ и Ладожанъ (2); приведше избиша Половецъ (2); избиша Берендичъ (1); посли Берендичъ с нимъ (1); послаша лучшихъ люденъ (1); пославъ мужей своихъ (1); Русские земли и Русскихъ сыновъ в вещество не положилъ есть (1)	христианъ погребяху (1); мужей емше, и женъ (2); утвердивъ отпусти поимъ Новъ (о)городце (о)в (ъ) (3); поведи Пѣмецъ (1); князен подкладоша (1); князен избиша (1); князен гонячи (1); водилъ ко кресту божьихъ дворянъ (1); пословъ Новгородскихъ изнима (1); погна Ярославихъ сторожевъ (1); выдаша боярь тѣхъ (1); дѣтен Дмитровыхъ и племенниковъ всѣхъ посла (2); послала своихъ боярь (1); созва всѣхъ боярь своихъ (1); повниша боярь (1); боярь княжихъ Андрѣевыхъ изнима (1); изымаша боярь его (1); избившю ратныхъ Татаръ (1); мужей Псковичъ иссѣци (1); изымали (ше) люденъ (вашихъ прочихъ иныхъ) (2); многы (и)хъ люденъ избиша (2); люденъ исъѣкоша (1); поимаша люденъ (1); выдати добрыхъ люденъ (1)		
			ФЕ	с названиями «проводников» чужой воли – посла послы, посади посадники – только И=В		
			Асс. сит Inf. (*2+1)	–	видѣвше идущихъ вежавшихъ Половцевъ (2); срѣтоша Половецъ с полоном идущихъ (1)	–
С предлогом (5)	Обычные синтагмы (4)	на безбожныхъ Агарен (1)	–	ударниша на Ярославихъ пѣщевъ (1); подвигошася на Бесермен (1); на христианъ (1)		
		Распад ФЕ(1)	–	–	посла по Новгородцевъ (1)	
Всего	И=В	господствует				
	Р=В (67)	2	31	34		

С целью изучения условий варьирования форм Р=В и В. п. мн. ч. в обозначениях лиц проведем *содержательный анализ* погодных записей.

Если даже предположить, что форма Р=В мн. ч. была внесена в текст поздними переписчиками¹, тем не менее очевидны причины такой правки: в представленных ниже контекстах народы предстают как *активные*. Так, народом-победителем являются в описании событий половцы: **1078: Того же лѣта Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ приведоша Половецъ на Русскую землю, и поидоста на Всеволода к Чернигову <...> и повѣдиша Половци Русь** (Моск. лет., 11); реагирует бегством на действия противника другой безбожный народ: **1096: Они же не послушавше удариша в кони на безбожных Агарен, и ти въскорѣ повѣгоша** (Моск. лет., 16). Вообще при глаголах *активного физического* воздействия на множество лиц как активно сражающихся, сопротивляющихся встречаем форму Р=В. Ср.: **1172 и 1183: посла (иде) на Болгары, но воевати Болгарь** (Моск. лет., 82, 90). Обычно эти конкретные народы становятся участниками дальнейших описываемых событий: **1136: того же лѣта Олговичи приведше Половецъ, и начаша воевати города и села по Сѹлѣ** (Моск. лет., 33). Однако в большинстве случаев *названия народов* в летописях употребляются в форме В. п. даже в роли прямого объекта, что объясняется преимущественной *абстрактностью* содержания летописных высказываний и *референцией к классу*.

Действие можно представить по-разному. Нельзя не заметить, что в *конкретных и детальных* описаниях динамичных событий, по всей видимости важных, – битв, сражений, имевших место, Р=В довольно частотен, причём он засвидетельствован исключительно в

¹ Л. И. Андрш отмечает, что и во мн. ч. имена существительные м. р. в *Моск. лет.*, по сравнению с *Лавр. лет.*, демонстрируют в идентичных по содержанию контекстах форму Р=В: **мѹжи исьѣкоша** (Лавр. лет., л. 122 об.), но **мѹжей исьѣкоша** (Моск. лет., л. 100). Таким образом, в разночтениях отмечаются замены только в одном направлении, обратных замен не наблюдается [Андрш, 1991, с. 6–7].

сочетании с глаголами сов. в., преимущественно приставочными: **1223: а городъ взяша, людеи же исьѣкоша, а князеи подкладоша под дьскы, и сѣдоша верьху ихъ обѣдати, и тако тѹ скончаша князи животъ свои** (Моск. лет., 120). Резко выделяется круг глаголов, управляющих Р. п. (или Р=В): **избити, изгонити, изнимати, исьсечи, отполонити, отпѹстити** (в том же значении, видимо, **пѹстити, гонити, лишити** и под.). Обращает на себя внимание то, что это глаголы преимущественно с приставками *аблативного* происхождения **изъ-** (16) и **отъ-** (5). Что же перед нами: примеры с исконно генитивным управлением или Р=В? Мы бы охарактеризовали семантику глаголов в данных конструкциях как ‘доведение действия до его конца, до его полной исчерпанности’, тогда в управляемом переходным глаголом падеже можно видеть Р. п. (=Отл. п.) *предела*, свидетельствующий, как представляется, о *количественной* интерпретации действия. Таким образом, реально наблюдаемые действия конкретизируются с точки зрения их протекания во времени. Это и помогает летописцу выразить *динамику* событий: быстрые перемещения, резкие и доводимые до конца воздействия на одушевленный объект (семантика приставки **из-**). Важно, что эти же глаголы встречаются с Р. п. (или Р=В) в примерах из разных памятников XII–XIII вв. [см.: 7, с. 106–111; 15], что заставило В.Б. Крысько проверить, не управляет ли глагол **избити** Р. п. Ученый пришел к выводу, что в многочисленных цитатах имеется только В. п.² Этим, однако, вопрос не был решен.

В диалектах также отмечается Р. п. от глаголов *бить* (*отец бил матери*), *убить* (*пусть лошади [одну] убьют*), *ломать*, *копать*, *посватать* [11, с. 11]. Нетрудно заметить, что все это глаголы типично переходной семантики – *физического воздействия*, изменяющего состояние (качество) объекта.

Семантика *активности*, как можно заметить, обычно реализуется в предложениях (см.

² Этот вывод В. Б. Крысько, правда, плохо согласуется с его убеждением об абсолютно свободной вариативности Р. п. и В. п. [подробнее об этом см.: 13, с. 11].

также примеры выше), содержание которых конкретизировано в *хронотопическом* плане, например: **1352: И пришед князь велики Андри Александрович город взя, а намѣстники и Нѣмци побн. <...> И по томъ пришед Новгородци город свои взяли, а моихъ намѣстниковъ и Нѣмецъ побили, которые были в городѣ** (Моск. лет., 178–179). Если в первом предложении объекты представлены *абстрактно*, они *не локализованы*, то во втором – это уже *конкретные* объекты, *определенные* в отношении их места нахождения.

Конкретный смысл лексемы, обозначающей *расчлененное* множество (перечень имен!), также способствует выбору формы Р=В, например: **1147: Созва во Изяславъ Русскихъ епископовъ, Черниговъского Онофрина, Бѣлгородского Феодора, Переяславъского Еуфимиа, Юрьевъского Демиана, Володимеръского Феодора, Новгородского Нифонта, Смоленского Мануила. Рече же Черниговъскы епископъ Онофрин: <...>** (Моск. лет., 39). Причём далее по тексту епископы говорят речи, т. е. *действуют*.

Варьирование в пределах одного предложения наиболее показательно. Выбор падежной формы мн. ч. (Р=В или В. п.) может быть обусловлен *конкретностью* (имена называются) или *абстрактностью, собирательностью* значения имени существительного, например: **1215: а гости Новгородские вси прия боле 2000 и поковавъ ихъ розосла по городом своимъ, а товары ихъ разда и кони, а пословъ Новгородскихъ, Юрья Ивановича и его друговъ, изнима** (Моск. лет., 111). В следующем контексте разрушение формулы достигается упоминанием *обстоятельств места*: указание *откуда* подчеркивает перемещение к субъекту объектов *из разных мест*, что по смыслу соответствует *расчлененному множеству*, тогда как формулы с В. п. передают идею *собирательности, абстрактности* – тут приводится перечень статусов: **1211: Князь же велики Всеволод созва всѣхъ бояръ своихъ с городовъ и съ волостен, епископа Иоанна, и игумены, и попы, и купцѣ, и дворяны и вси люди** (Моск. лет., 108).

В свете изложенного нетрудно понять и причины *стилистического варьирования* во мн. ч.: описание конкретных событий (*деловой стиль*) чаще представляет примеры Р=В, тогда как в абстрактном повествовании (*книжно-литературный стиль*) долго сохраняется В. п. Перемена стиля – с *делового* описания конкретных событий на абстрактные *церковные* сентенции – влечёт за собой перемену в представлении объектов: **1319: и посла к нему князь Дмитрей Михайловичъ брата своего князя Александра и бояръ своихъ <...> Они же послаша на Москву бояръ своихъ <...> Тако бо удиви богъ святыя своа угодники пострадава за него** (Моск. лет., 166); **1400: Последи же целова дѣтен своихъ и бояръ и слугъ и всѣхъ сущихъ своихъ. Учаше же дѣти своя, глаголя: «чада моя, <...>»** (Моск. лет., 230).

В следующих примерах перед нами или аналог классической конструкции *Accusativus cum infinitivo*, или исконно генитивное управление при глаголах *зрительного* восприятия *видѣти* (2) и *срѣтити* (1): **1149: и видѣ бежавшихъ Половцевъ всѣхъ** (Моск. лет., 47); **1152: князи видѣвшѣ идущихъ Половцевъ прочь и отступивша от Чернигова и идоша за Гвинь да за Гновь** (Моск. лет., 57); **1168: и срѣтоша Половецъ с полоном идущихъ, и тѣхъ извнша, полонъ отъяша** (Моск. лет., 81).

Таблица 2

Соотношение форм Р=В и В. п. в обозначениях множества лиц в языке Московского летописного свода конца XV в. (погодные записи XIV в.)

Показательные лексемы и лексико-семантические группы	Падежное оформление актантов			
	Р=В		В. п.	
	Без предлога	С предлогом	Без предлога	С предлогом
жены и др. <i>feminina</i>	9 = же/онъ (5) + дѣвиць (2) + чѣрницъ (2)	-	жены их (3)	-
дѣти и под.	5 = дѣтєи (4) + отрокъ (1)	-	6	-
люди	людеи (11)	-	25	8
послати (прислати, отпусти) послы	1	-	33 ФЕ	-
посади (посла и т. п.) наместники	4	-	11 ФЕ + 6	-
Названия народов и жителей городов	23	2	4	9
Другие синтагмы с <i>masculina pluralia</i>	73	4	48	17 = на христианы (8) + на (6) + за (2) + про (1)
ИТОГО:	115	6	136 (из них 44 ФЕ)	34

Таблица 3

Соотношение форм Р=В и В. п. в обозначениях множества лиц в языке Московского летописного свода конца XV в. (погодные записи XV в.)

Показательные лексемы и лексико-семантические группы	Падежное оформление актантов			
	Р=В		В. п.	
	Без предлога	С предлогом	Без предлога	С предлогом
жены и др. <i>feminina</i>	женъ (1); княгинь (2); боярынь (1)	-	жены (1)	-
дѣти и под.	дѣтєи (10); чад(ъ)	по дєтєи (1)	5	по дѣти (1)
люди	людеи (10)	по всѣх людеи своих (1)	22 = 18+4 (церк.)	на люди (7)
послати, прислати, отпусти послы	9 (из них 6 – с перечнями имен)	-	11 ФЕ (в 7 случаях имен нет)	-
посади, посла и др. наместники	2 (все с перечнем имен)	-	4 ФЕ (имен нет)	-
Названия народов и жителей городов	20	на ... (6); по вятчанъ (1); за Пѣскович (1)		на ... (6); на Нѣмци (2); на Новгородци (2); на Болгары (2); за ... (1); за Татыры (1)
Другие синтагмы с <i>masculina pluralia</i>	103 (из них 16 – с перечнем имен)	на (8); за (1)	19	по ... (13 ФЕ)
ИТОГО:	158	19	62 (из них 15 ФЕ)	28 (из них 13 ФЕ)

Отмечается разноформленность имен существительных м. р. и ж. р., например: **1281: изымаша же тѹ дѣ дщери его и во-яръ его и з женами и с дѣтми, и приведоша в Новѣгород в заклад** (Моск. лет., 153). Вообще для имён существительных ж. р. в *Моск. лет.* обычна форма В. п. мн. ч. Так, девки представлены как 'дары' наравне с животными: **1223: и дары принесе многы, кони и вельбѹды, бѹволы и дѣвкы, и отдари всѣ князи Русскыя**¹ (Моск. лет., 119). Однако встретилось 3 исключения. В них форма Р=В отражает *активность* конкретных лиц женского пола (особенно великих княгинь): **1237: Татарове же взяша град Рязань того же мѣсяца 21 и пожгоша весь, а князя нх Юрья ѹбиша и княгиню его, а мѹжен емше, и женѣ и дѣти и черныца и черница и ерѣя, овных разсекахѹ мечи, а других стреляхѹ стрелами и въ огонь вметлахѹ** (Моск. лет., 126); **1434: а в средѹ на свѣтлои недѣле город взятъ а княгинь великих поймавъ посла въ Звенигород** (Моск. лет., 251); **1446: Они же вшедше во град великих княгинь изымаша, Софью и Марью** (Моск. лет., 264).

Словесная формула *жены(ѹ) и дѣти* с XI по XV в. употребляется в В. п., причём зачастую жён и детей берут в полон или в заклад. *Активность* (способность к сопротивлению) мужа и *пассивность* (беззащитность, слабость, неспособность к сопротивлению) жён и детей отражается в варьировании падежных форм в следующем контексте: **1172: Приидоша же на поганяя без вѣсти и взяша град нх и 6 сел великих, мѹжен же исъсѣкоша, а жены и дѣти в полон поимаша** (Моск. лет., 82). Ср. **1178: тако град взяша и мѹжи повязаша, а жены и дѣти и товар взяша** (Моск. лет., 89). Единственное исключение обусловлено, как представляется, *тематизацией*, что на синтаксическом уровне порождает *инверсию*: **1207: Новгородци же даша князю дошки Дмитровы, бѣ же в них богатства бес числа; дѣтен же Дмитро-**

¹ В. п. всѣ князи Русскыя обусловлен *референцией* к классу.

вѹх и племенниковъ всѣх посла къ отцю в Володимерь, а на иныхъ серебро поима (Моск. лет., 107). Если сочетание обозначает не мужнюю собственность, а лиц женского пола и юного возраста, то используется форма Р=В: **1386: а людеи многих и женѣ и дѣтен в полонъ поведоша** (Моск. лет., 213). В значении же мужней собственности остается В. п.: **1377: много людеи посекоша, а жены нх и дѣти в полонъ поведоша** (Моск. лет., 193).

В следующем контексте форма Р=В мн. ч. может свидетельствовать об *активной роли* сопровождающих: **1168: А нынѣ послы брата, которого любо, и Берендичъ с нимъ** (Моск. лет., 80).

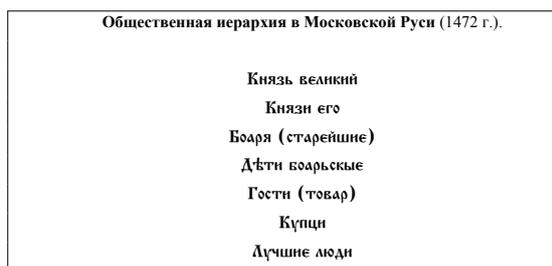
Субстантивированные прилагательные и причастия употребляются в форме Р=В мн. ч. даже в записях XIII в., например: **посланных к ним извиша** (Моск. лет., 131).

Думается, что именно летописи в силу специфики жанра лучше всего нам показывают особенности миропонимания восточнославянского книжника. Взгляд летописца – панорамный и религиозно-исторический. Содержательный анализ контекстов показывает, что в русских летописях употребление формы В. п. мн. ч. обусловлено «эргативным мышлением» [9, с. 319–324], отразившимся в *ветхозаветном* религиозном мировоззрении, когда совокупность людей – безлика «толпа» – воспринималась как обязательно *ведомая* кем-то, например: **Милостивыи челоуѣколюбець богъ, ожидая покаания христьянского, обрати Татары въспять от реки Днѣпра на землю въсточнѹю** (Моск. лет., 121); **1262: Избави богъ от лютаго томления Бесерменьскаго люди Ростовския земля молитвами святыя богородица, и вложи ярость христьяном во сердце** (Моск. лет., 144).

Слово *люди* многозначно. В зависимости от смысла лексема тяготеет к тому или иному падежному оформлению. Родовое понятие (люди вообще /в отличие от скота/ или зависимый слой вообще) обычно оформляется В. п.: **1408: богъ <...> помилова люди своя**

(Моск. лет., 238); учаше люди некрещеныя (Моск. лет., 226), а в динамичных описаниях очевидца названия конкретных людей (пусть и зависимых), но активно сопротивляющихся, сражающихся или исполняющих конкретные обязанности (*лучшие люди* в общественной иерархии (см. схему 1), как и *дети боярские*) – Р. п.: остаточных людей избиша (Моск. лет., 166).

Схема 1

В формуле «кто кого» представлено несопадение подлежащего и дополнения: **1422: Инии же и мертвыа скоты ядыху и кони и псы и кошки, и люди людеи ядоша** (Моск. лет., 245). Есть основания полагать, что этот оборот лежит у истоков употребления формы Р=В одушевленных имен, используемой для обозначения *равноправного* с субъектом партиципанта.

Причина сохранения В. п. в *стереотипных конструциях* видится в особой семантике

объектов, которую потенцируют как лексическое значение существительного, так и сам предикативный признак. Субъект, облеченный властью, «манипулирует» объектами, повинующимися его приказам, т. е. объекты движутся или оказываются в каком-то месте не *sua sponte*, а под воздействием чужой воли: **1315: По миру же князь Михаило призва к себѣ князя Офонася и боярь Новгородских и пославъ ихъ посла на тферь <...> а в Новъгородъ посла наместники своя** (Моск. лет., 160).

К концу XV в. речевые штампы начинают разрушаться, о чём свидетельствует материал *Моск. лет.* Традиционные словесные формулы заменяются описанием конкретных действий, обычными становятся *перечни имён* послов, бояр, воевод и других лиц, например: **1492: князь великы Иван Васильевич <...> послал своихъ послов, Юрья Грѣка Тарханиота да Михаила Кляпика Яропкына да Ивана Волка Күрицына, к королю Римъскому Максимиану** (Моск. лет., 333). В трёх примерах имена послов не указываются, однако широкий контекст проясняет уместность именно Р=В. Так, в 1473 г. несколько субъектов (**Новгородскы архиепископъ Феофилъ и Тферьскы епископъ Генаден**) *каждый от себя прислали послов своихъ* (Моск. лет., 301).

Таблица 4

Распределение (от века к веку) форм Р=В в обозначениях множества лиц в погодных записях Московского летописного свода конца XV в.

Характеристика контекстов	Погодные записи	Р=В	
		Без предлога	С предлогом
Стили: нейтральный, разговорный, деловой, книжно-литературный. С каждым веком (XII–XIV вв.) контексты становятся все более разнообразными, менее штампованными.	XI в. (2)	1	1
	XII в. (31) Динамичность и конкретность появляются в описании битв, сражений	31	–
	XIII в. (34) Динамичные и конкретные контексты – в описании битв, сражений. 3 контекста с перечнем имен	30	4
	XIV в. (121) резкое увеличение форм Р=В.	115	6
Контексты стали более детальными.	XV в. (177) Форма Р=В господствует, но и стиль изменился	158	19

Таким образом, вариативность форм Р=В и В. п. мн. ч. в летописных контекстах, фиксирующих *книжно-литературную* норму, свидетельствует о том, что выбор управляемой переходным глаголом падежной формы в обозначениях множества лиц, как правило, семантически мотивирован. Представляется очевидным, что форма Р=В употребляется для обозначения *расчлененного множества* проявляющих *самостоятельную активность* важных, известных, приближенных, наблюдаемых лиц (актуализация *денотативного* компонента в значении) в предложениях *конкретного содержания* (пространственно-временная локализованность). Форма В. п. употребляется обычно для обозначения *собирательного множества* неважных, неизвестных, отдаленных, плохо различимых лиц (актуализация *сигнификативного* компонента в значении) в предложениях *абстрактного содержания*. Если в *наглядном и динамичном* описании *конкретной* битвы названия народов, подвергающихся резким и доводимым до конца воздействиям, имеют, как правило, форму Р=В, то при *абстрактном* упоминании о событии – форму В. п.

Нерегулярность Р=В в обозначениях лиц в *книжно-литературных* текстах среднерусского периода объясняется, следовательно, их преимущественно *абстрактным содержанием*, в отличие от господства Р=В в *деловых* текстах, несущих, как правило, *конкретную информацию и определенную референцию*.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

ИСТОЧНИКИ:

1. *Моск. лет.* – Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. – Т. 25. – М., Л., 1949.

ЛИТЕРАТУРА:

2. Андрш Л. И. Морфологические явления в языке русских летописей XIV–XV вв. /по материалам одновременных летописных сводов/: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1991. – 16 с.
3. Болек А. Становление категории одушевленности (на материале Синайского патерика, Успен-

ского сборника и Русской правды): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1977. – 21 с.

4. Исаев А. В. Глагольное управление в языке Московского летописного свода конца XV в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1954. – 24 с.
5. Исаев А. В. Категория одушевленности в языке Московского летописного свода конца XV века // Ученые записки Ивановского пед. ин-та. Т. 17. Вып. 5. Ч. 3. Филологические науки. – 1958. – С. 50–53.
6. Кедайтене Е. И. Формы винительного и формы родительного-винительного падежа от названий лиц и одушевленных предметов по оригинальным памятникам восточнославянской письменности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1958. – 14 с.
7. Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. – М.: Liceum, 1994. – 224 с.
8. Лещинская М. Г. Родительный-винительный в именах существительных в русском литературном языке XII–XVII вв. (К истории категории одушевленности в русском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1949. – 19 с.
9. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
10. Мадоян В. В. Категория одушевленности имен существительных в древнерусском языке (на материале памятников северо-западной Руси XIII–XIV вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 14 с.
11. Маркова Н. В. Диалектные способы выражения семантического субъекта и объекта в онежских говорах и их история: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 24 с.
12. Махароблидзе Г. А. Склонение имен существительных в московских деловых документах XV века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1954. – 14 с.
13. Тимберлейк А. Вкусить от древа познания и убояться: вариативность в развитии винительного-родительного падежа (По поводу книги В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994. 224 с.) // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5. – С. 7–19.
14. Ушакова Е. М. Развитие категории одушевленности в именах существительных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1949. – 19 с.
15. Dietze J. Die Entwicklung der altrussischen Kategorie der Beseeltheit im 13. und 14. Jahrhundert // Zeitschrift für Slawistik. 1973. Bd. 18 (2). S. 261–272.